4-й ГОД ИЗДАНИЯ №15 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

АПРЕЛЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

ТЕМНОТА НАША

Научное обследование сельского хозяйства в Германии установило, что музыка благоприятно влияет на удой коров.

Рис. Б. Антоновского

— Митька-а-а! Щучий сы-ын! Ты тут, подлец, разыгрался, а буренка несчастная совсем молоком исходи-и-ит!

Рисунок В. Лебедева

РЕВИЗОР

(не по Гоголю)

120.000-ам ревизионных комиссий СССР'а посвящается.

Председатель ревизионной комиссии товарищ Купоросов поднимался по лестнице в канцелярию треста.

Уборщица канцелярии товарищ Матрена Сасыкина, стоя на подоконнике, неторопливо протирала мокрой мочалкой стекла трестовских окон. Протирая, товарищ Сасыкина весьма задушевным голосом напевала старинный популярный романс:

„Зачем ты, чорт, за мной увлекси,
Зачем, подлец, мине сгубил?!" ..

Дойдя до площадки, на которой работала Сасыкина, Купоросов остановился.

— Что вы делаете?—спросил Купоросов.

— Как что?—обернулась Сасыкина,—окна мою.

— Но *как* моете? *Как* вы моете, спрашиваю я вас?...

Сасыкина положила мочалку в ведро и, вывернув руку, вытерла ситцевым рукавом вспотевший нос.

— Не пойму я чего-й-то,—ухмыльнулась она,—как мóю... обнакновенно мою, мочалкой...

— Мочалкой!!—возмутился Купоросов:—знаю, что мочалкой, а не велосипедной шиной! Не в том, милая, дело: поете вы...

— Ну дак что ж!—удивилась уборщица,—с пеньём-то оно спорручней будто...

— Не скажите,—вздохнул Купоросов,—все зависит от характера работы; ежели вы наклоняетесь, то пение мешает труду, отнимая у вас дыхание. Экономя дыхание, вы экономите труд, экономя труд, вы экономите государственные средства!

Купоросов кивнул Матрене и двинулся дальше. Сасыкина вынула мочалку из ведра, вздохнула и молча принялась за работу.

— Здравствуйте—сказал Купоросов, входя в канцелярию и подходя к делопроизводителю: всё пишете?

— Пишу,—поморщился делопроизводитель:—уйму бумаг подписывать приходится. К концу месяца всегда у нас так; другое дело хоть совсем бросай.

— Скверно,—сказал Купоросов.

— Еще бы не скверно! Рука отнимается...

— У вас рука отнимается, а у государства время,—наставительно заметил Купоросов:—вы посмотрите хоть как вы перо держите!

— То-есть, как держу?—удивился делопроизводитель:—обыкновенно держу...

— То-то и оно, что обыкновенно,—сказал с укоризной Купоросов:—может быть, от этой обыкновенности все и происходит; может, рука устает от этого, а государству убыток. Перо тоже рационально держать надо: вам, может, его держать надо так, а мне вот эдак...

— Пустяки это,—криво усмехнулся делопроизводитель,—держу, как мне удобно.

— Держите не как вам удобно, а как наука требует. Об экономии говорим, а в корень вещей не смотрим. Ну, скажите, сколько у вас в канцелярии человеко-ручек, например?

— Чего?

— Человеко-ручек. В канцелярском деле обязательно человеко-ручки учесть нужно...

— Ревизию-то не кончили еще?—тоскливо спросил делопроизводитель:—книги-то хоть бухгалтеру верните—дело стоит.

— Не в книгах дело,—сурово сказал Купоросов и отошел от делопроизводителя.

— Идет, идет зуда проклятая!—ахнула машинистка,—опять про пудру говорить будет!

И с нервной молниеносностью забарабанила по клавишам машинки.

— Так быстро работать совершенно не рационально,—сказал Купоросов, подходя к машинистке:—интенсивность труда в начале работы не окупает, конечно, последующего замедления продуктивности. Надо работать ровно, с одинаковым напряжением. Кровообращение тоже имеет значение при рациональной постановке труда. Вы не находите, что корсет стесняет ваше дыхание?

Машинистка молчала. Купоросов вынул блокнот и отметил:

— „Поставить в повестку дня: 1) о рационализации труда уборщицы Матрены, 2) о продукции канцелярии на одну человеко-ручку в год, 3) о воспрещении машинисткам работать в корсетах и 4) о поверке кассовой книги.

Положив блокнот в карман, Купоросов направился в бухгалтерию, чтобы взять кассовую книгу. Бухгалтера не было. Купоросов прошел к заву.

— Скажите,—мрачно спросил зав:—сколько дней вы уже ведете ревизию?

— Две недели.

— Кассовую книгу проверили?

— Нет еще.

— Прочтите,—сказал зав, протягивая Купоросову листок бумаги. На листке было написано:

— „Сообщаю, что 10-го сего марта кассир Тишкин, похитив всю кассовую наличность, скрылся. Бухгалтерией обнаружена систематическая растрата денег. Главбух Кишкин".

— Позвольте!—всплеснул руками Купоросов:—я удивляюсь, как бухгалтерия могла помимо ревизионной комиссии проверять книги. Говорят о рационализации, а сами создают два параллельных ревизующих органа! Довольно стыдно, товарищи! При таком ведении дела никогда никакой экономии не будет!

И, хлопнув дверью, вышел из кабинета.

Р. Волженин

ВОПРОСЫ НА ВОПРОС

— За этот апельсин двугривенный? Да ведь он совсем гнилой!

— А ежели его по пятаку продавать, он тогда гнилой не будет?

ПО-НОВОМУ

— А, здравствуйте! Ну что у вас слышно?

— Лондон вперемежку с Копенгагеном, а иногда и Москва помешает!

НОМЕР
СТО СОРОК ЧЕТЫРЕ

Для вас, стяжатели лихие,
Желая быть стране отцом,
К командировочной стихии
Я музу поверну лицом!

Люди входили. Люди выходили.
Щурились, глядя в глаза фонарей,
И тайну отельных, ночных идиллий
Хранил неотступно швейцар у дверей.

Снимала личность калоши хмуро,
За ней корридорный тащил багаж,
А на потолке у входа четыре амура
Лезли к пастушке за пышный корсаж.

Сто сорок четыре. По корридору направо.
Ванна. Альков. И ложе-престол.
Сколько их? Сколько, во образе зава,
Входило и клало портфель на стол?!

Агент райкоопа, кассир из Одессы,
Плотный бухгалтер, отличный делец —
Не здесь-ли играли последний акт пьесы,
В трюмо покаянно бросая: — «подлец»?!

Пылятся от лета до лета портьеры,
В кушетке — духов неувядший букет...
Разливанное море душистой мадеры
Вылакал этот паркет.

А пятна чернил на зеленом бюваре
Не мало видели ртов,
Грызущих перо в одиночку и в паре,
На предмет фальшивых счетов.

Преступленье входило легко и нежно.
Занимало номер, сносилось с Москвой.
А люди в газете читали прилежно:
«Щупко из Хлоп-Треста. Отель «Савой».

. . . .

«Дагмары», «Савои», «Паласы», «Ривьеры»!
Отели российских худых городов,
Не вы-ли скромно губили карьеры
И низвергали итоги трудов?!

Девяносто девять случаев на-сто:
Прибыль. Сознался и взят налегке.
Сел. Посидит. Выйдет и баста.
Но сотый... висит на крюке.

Александр Флит

ЕВСТИГНЕЙ ВАВИЛИН и ЗВЕЗДА ЭКРАНА
(Экспортно-импортная поэма)

Раз:

Угрюмый, словно филин, колтунами борода — Евстигней Кузьмич Вавилин из деревни Лебеда.

Два:

Адель Матвевна Швабрик (псевдоним: Мадлена Масс) — подмосковных кинофабрик драгоценнейший алмаз.

Как свести их в общей теме?

Как связать в одной поэме — плуг и стильные бижу?

Фокус? Трюк?

А я свяжу!

I.

Отпускник Иван Мерефов, приезжавший к землякам, обещал от красных шефов выслать трактор мужикам.

Минул март. Апрель в исходе. Ломит речка вешний лед.

Гул в народе — бунта вроде:

— Шеф-от... трахтер-от...не шлет...

Неизвестно, в чем зацепка — только нету. И пока — Евстигней ругнулся крепко и пошел ковать Гнедка.

II.

Величава, как царевна, и фигурой и с лица — наняла Адель Матвевна из почтамта извозца.

И расставила любовно по сиденью и по дну: две из Риги, три из Ковно и из Лондона одну.

В первой, стало-быть, посылке — хоть две роты окати! — все флаконы да бутылки, Убиганы да Коти.

В остальных — шелка-экстазы — цвет-гаван и цвет-фисташ; фетры, гетры, газы, стразы, шевиот и трикотаж.

III.

Вот тогда-то и вот там-то и случилось в-аккурат: вез царевну из почтамта Евстигнеев сват — Панкрат.

День апрельский — грязь да слякоть: ни проехать, ни пройти...

Ну, конечно: покалякать — дело первое в пути.

И решил Панкрат царевне скорби сердца передать:

— Эх, чичас у нас в деревне — прямо скажем — благодать! Мне б туды — на мой карахтер. Я в работе — во как лют! Только шефы штой-то трахтер — обещали, а не шлют. Видно, парни из столицы — тоже молодцы брехать... А известно, всей землицы на гнедках не распахать! Ждем то ждем — да ждать не сладко... Мне писал намедни сват: „Разузнай-мол там, Панкратка...“ Как ты думаешь, касатка: кто в задержке виноват?

По ухабным переулкам, по похабным закоулкам — утомителен вояж...

Раздраженная царевна синью глаз блеснула гневно и сказала:

— Ведь не я-ж!

IV.

Эх, чудес на свете нету!

Ошарашить бы журнал да за чистую монету сбыть вот эдакий финал.

Чтобы слез извозчик с козел и ответом заморозил побледневшую Адель:

— Врать, товарищ, не модель! У тебя в ушах не вата: слышишь толки меж людьми... Ты как-раз и виновата, в этом деле, чорт возьми! Фу-ты, ну-ты, ножки-гнуты, креп-де-шин да шевиот — франко-английской валюты бесполезный перевод! Все фасоны на сезоны, мазь для носа, крем для рта — а посмотришь: на Фордзоны не осталось ни черта! Мы сидели да глазели: ишь, валюта! Ай-люли! А пока ее мамзели на духи перевели!

Словом, всю бы суть Адели разгадал и доканал...

V.

Но, увы! на самом деле был совсем иной финал.

Мужичок поверил честно, пожевал, повел плечом, и сказал:

— Да уж известно... Ты, касатка, не причем.

А. д'Актиль

МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ РОД

Рис. К. Рудакова

Кормилица

Кормилец

ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА

(В Отделе Графики)

Советские чернила выцветают, советская бумага рвется, советские карандаши не оставляют следов на бумаге...

Троцкий о качестве учебных пособий.

Рис. Л. Бродаты

На родине риса и чая

(Китайская тушь)

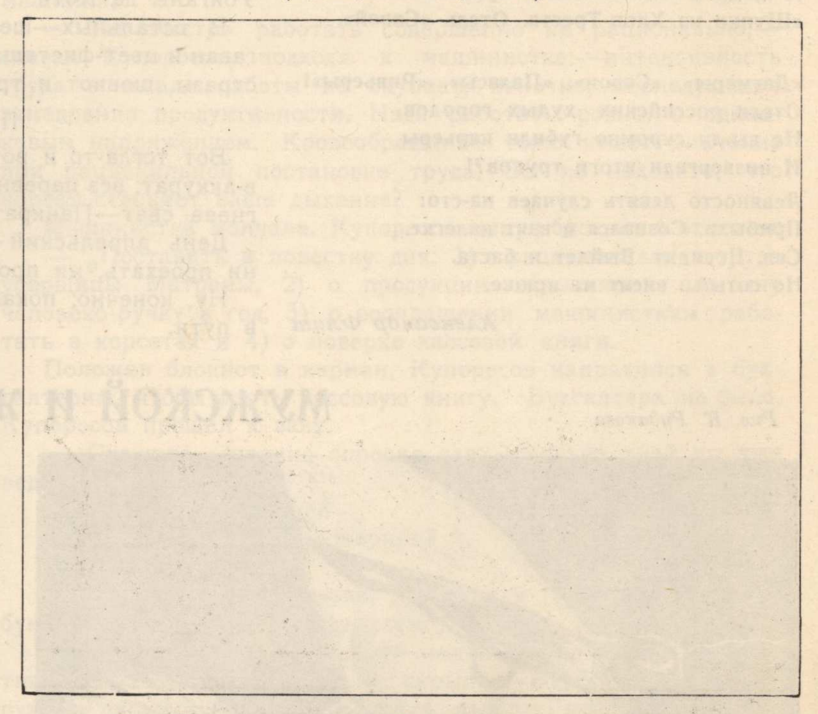
Марианна у себя дома

(Французский карандаш)

Муссолиниада

(Итальянский карандаш)

Борьба за качество. Производственный этюд

(Советский карандаш)

ПРИХВОСТЕНЬ

До революции Подтяжкин в собачьем питомнике служил. Это еще куда ни шло—дозволяется. Но все горе Досифея Подтяжкина в том, что питомник принадлежал какому-то барону фон-Шприц. А этого, граждане, не замажешь, не спрячешь!

Под напором революционной стихии, собачник, конечно, развалился: которые собаки подохли, не вынеся режима, а которых даже съели в голодное время—жирные были фон-баронские паразиты!

Досифей Подтяжкин оказался на мели и стал службу искать. Служб в те поры, конечно, было много: выбор огромадный. Хочешь—в инженеры, хочешь—в землемеры—в актеры—в председатели.

По скромности характера, Подтяжкин остановился на уполномоченном случного пункта.

Начало службы было прекрасное. Отвели Подтяжкину особый стол, машинистку дали, и стал Подтяжкин писать бумаги насчет того, что вот, мол, для случного пункта требуется жеребцов столько-то, помещений для них столько-то. И так далее.

Два месяца писал спокойно. И хотя жеребцов не было, но зато паек выдавали исправно—что и требовалось на случном и на всех прочих служебных пунктах.

Но вот однажды прислали Подтяжкину анкету для срочного заполнения.

Конечно, только малолетний ребенок не знает теперь, что такое анкета и какие в ней вопросы. Поэтому не станем задерживаться на такой знакомой и популярной вещи.

Подтяжкин с-налету заполнил все графы анкеты, определив свое „происхождение", как пролетарское, „род занятий и место службы при царизме", как надзирателя собачьего питомника, а партийность, как „бес".

Вскоре затем Подтяжкина вызвали в комиссию.

Все сделалось легко, просто и с быстротой молнии.

— Что это за собачий питомник? — спросил председатель комиссии, вглядываясь в корявый почерк Досифея Подтяжкина. — Кому он принадлежал?

— Барон-фон-Шприцу, — ответил откровенно Подтяжкин.

— Ага! Так...—заметил председатель и повернулся к членам.—У вас есть вопросы?

Члены поспешно отказались:

— Все ясно. Пущай гуляет.

Председатель молча скрипел пером, делая пометку на анкете Досифея Подтяжкина. Потом кивнул ему головой:

— Можете итти!

Ночью Подтяжкин ворочался с боку-на-бок и размышлял: чтобы это могло значить? Впрочем, тогда он еще не имел опыта, который пришел к нему впоследствии.

А что это означало, он узнал на той же неделе, получив уведомление о снятии со службы, как бывшего прихвостня буржуазии.

Нужно отметить,—наивный человек был этот прихвостень буржуазии!

— Ничего, — думает, — найдем другое место! Местов-то, слава те господи!

И разбежался прямо в соседний дом. А там было какое-то центро:—нето Центросено, нето Центровода.

— Нету ли,—спрашивает,—вакансии?

Вакансия, конечно, есть: одна комната свободна, и никто в ней не сидит.

Посадили Подтяжкина за столик. А на столике, смотрит — анкета обыкновенного образца.

— Заполните, товарищ.

На этот раз не сразу заполнил Подтяжкин анкету. С умом заполнял: над каждым словом по полчаса раздумывал.

А в графе «партийность» для крепости поставил «соч.».

Нет! Не вывезло всетаки!

Прочитали анкету и говорят ему:

— Собачник чей? При заводе?

— Нет,—говорит, — при... бароне!

— М-да... Как же это вы так? Баронским собакам служили? Нельзя вас принять на службу У вас тенденции наемника капитала. До свиданья!

Но даже и тут Подтяжкин не упал окончательно духом. Зашел Подтяжкин в следующий дом (в те поры, для удобства граждан, в каждом доме было какое-нибудь учреждение).

— Вакансий,—говорят,—в настоящее время у нас нет, но мы можем сделать. Вы что хотите: заведывать, помзаведывать или что?

— «Ну, их в болото—думает Подтяжкин—крупные посты! На крупном посте прихвостень, конечно, заметней для глаз».— Нет, говорит, спасибо. А хочу я по уборной части—уборщиком или кульером.

— Хорошо! Пишите анкету.

Посмотрел Подтяжкин анкету: та же самая, обыкновенного образца, и насчет собачника писать надо.

— Ладно, — говорит. — Я дома напишу.

— А что,—размышлял Подтяжкин, пыхтя над анкетой, — если я этот позорный собачник по-боку? Напишу чего-нибудь другое...

И написал, чудак! Написал в графе «род занятий и место службы»— чернорабочий и с такой пометкой сдал анкету.

С этой минуты началось страдание Подтяжкина. Служит он уборщиком, все тихо-спокойно, а в душе—страшная мысль:

— А вдруг дознаются? Вдруг сличат анкеты и обнаружат несоответствие?

Не стало Подтяжкину покоя от этой мысли. Во сне—кошмары; сосед за стенкой стукнет, а Подтяжкин вскакивает в холодном поту:

— Пропал, дескать! Дознались и арестовать пришли за утайку принадлежности к собачьему классу!

От таких тяжелых переживаний Подтяжкин становился с каждым днем мрачнее и испуганнее.

А когда учреждение, в котором он служил, сначала переименовали, потом влили в другое и, наконец, совсем закрыли,—Подтяжкин был уже окончательно больной и вроде бы не в своем уме человек. И все потому, что при переименовании все служащие должны были заполнить повторные анкеты, при вливании—опять анкеты, и при закрытии—снова анкеты в трех экземплярах. А перейдя на новое место, Подтяжкин в первый же месяц заполнил 18 анкет.

Чем больше анкет писал Подтяжкин, тем больше страдал. И стала ему рисоваться такая жуткая картина: сидит комиссия, а перед ней гора анкет. И все эти анкеты написаны им, Подтяжкиным. И комиссия будто бы внимательно разбирает, сравнивает анкеты, и конечно, видит, что в одном месте написано: надзиратель питомника собак, а в другом—чернорабочий; тут стоит: «бес», а там «соч»...

Чудится дальше Подтяжкину гудок автомобиля, приехавшего забрать его—голубчика. И слышит он дальше свою фамилию в соединении со страшными словами о «мере социальной защиты»...

Ни о чем другом уже не мог думать Подтяжкин. Анкета неотлучно стояла перед его глазами.

— Что-то похудели вы,—говорили Подтяжкину, замечая странную перемену в его лице.—Что поделываете?

— При царизме был чернорабочим,—жалостливо отвечал Подтяжкин: — С февраля по октябрь 1917 года и с октября 1917 года по настоящее время я...

ОБИДА

Тяжелы бытовые условия сельского письмоносца. При своем окладе от 6 до 10 р., он вынужден разносить письма в сопровождении члена своей семьи с мешком для подаяния.

Рис М. Шемиота

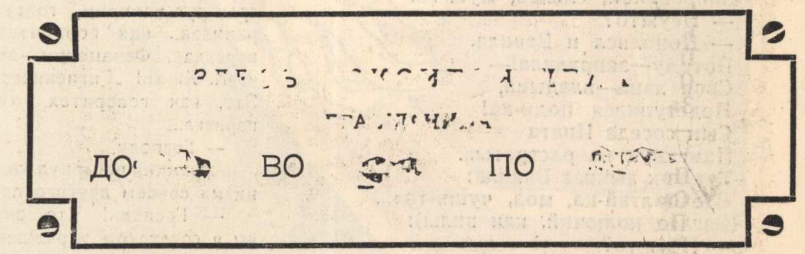
— По-о-одайте, христа ради...
— Шляются тут тоже попрошайки! Бог подаст!
— А тебе письмо на прошлой неделе бог или я подал? А еще лаешься, стерва!

Конечно, в итоге—помер Досифей Подтяжкин. При таком состоянии нельзя не помереть!

Заполнив надлежащую анкету, похоронили Подтяжкина, и стал другой на его место и уже заполняет анкеты.

А надпись на могиле «Досифей Воинович Подтяжкин» размывается дождями.

И от «фамилии, имени и отчества» (первый пункт каждой анкеты) остались только первые слоги:

Как-будто сжатые вопросы вдогонку:

„Что вы делали *до* революции, *во* время революции и *после* революции".

* * *

Читатель! Пусть тебя не тревожит такой печальный конец.

Помер?—Ну, и дурак, что помер. Это—частный случай. А ты, читатель,—чтобы не помереть, возьми за правило: писать анкеты четко, по возможности подробно, показывая все фактические сведения.

И, главное, помни, что не все то читается, что пишется. Например, анкеты покойного Подтяжкина так никто и не сличал.

Зря человек помер!

Ив. Прутков

В СУДЕ

— Гражданин Сидоров, вы обвиняетесь в хищении мануфактуры. Есть ли у вас свидетели?

— Нет. Я при свидетелях не ворую.

ПРОФРАБОТА

Рис. Н. Радлова

Местком ст. Глазуновка Курской ж. д. находится в „небольшом помещении“ с надписью... „мужская уборная“. („Гудок“ № 46)

— Ты, папаша, не членские взносы вносишь?
— Нет, сынок, я по личной надобности! Так что надпись увидал подходящую!

НЕУЖТО?

— Разжирела Анисья,
Шуба новая лисья,
И часы, и браслеты, —
Не узнать бабу с лета.
Прет гужом из продлавки,
(Прямо склад на залавке)...
Заправилой, слышь, муж-то.
— Неужто?
— Пополнел и Вавила,
Потому—заправила!—
Своя лапа—владыка,
Подступился, поди-ка!
Сын соседа Ипата
Намекнул на растраты...
Тут как зыкнет Вавила:
«Не болтай-ка, мол, чушь-то»...
(Взгляд колючий, как вилы):
— Неужто?
. . . .
Говорят, что Анисья
Продает шубу лисью.
В каземате, слышь, муж-то.
— Неужто?!

Мих. Андреев

ПРАКТИКАНТЫ

(Почти с натуры)

В кашинской советской аптеке взято на службу лицо, незнакомое с аптечным делом и не состоящее членом союза.
(Мелкий факт)

У товарища Абрамкина работа кипела.

— Что, пирамидону?.. Зачем вам пирамидон? Голова болит? Возьмите касторки на двугривенный, выпейте, и когда вы опорожните желудок— не будут газы напирать на голову и ей не будет больно.

— Дайте мне пирамидону!—настойчиво требовал покупатель.

— Хорошо, возьмите, жалко мне, что-ли? Но я вас предупреждаю, что у вас будет-таки сердцебиение.

— Дайте же.

— Я же даю!.. Где же тут?.. Ага, вот аспирин... Может быть, вы возьмете аспирин?

— Пирамидон!

— Ой, какой же вы упрямец, вашей жене не легко с вами. Хорошо, дам вам пирамидон: если тут аспирин, то тут, верно, близко и пирамидон... как говорится, это явления одного порядка.. Фенацетин—это не то... Что это такое?.. Хи-хи! „Гигиенические принадлежности...“ Это, как говорится, явления совсем другого порядка...

— Господи...

Абрамкин швырнул на прилавок пакет с явлениями совсем другого порядка и крикнул:

— Господи! Что значит: „Господи“, когда вы в советском учреждении? Вы должны знать, что у нас все тут приготовляется на чистой науке, а не на религии!.. „Религия—опиум для народа“. И наш опиум, который здесь в шкафике... я еще не знаю, в каком... наш говорю я, опиум—не религия, а самый настоящий, научный опиум. И я вас очень прошу не смешивать!

— Дадите вы, наконец, пирамидону!?

— Что значит: наконец?! Наконец—это если человек кончается, а вы еще даже кричите!.. Берите пример с других: может быть, тут стоят полумертвые, может быть, умирающие и ничего, молчат!.. Может быть, им нужно кислороду для дыхания, или камфары для сердца и ничего, молчат! А вам нужен какой-то паршивый пирамидон и вы скандалите... Я еще понимаю, если человеку нужна большая партия, скажем, десять кило, а тут: покупает пять грамм, а скандалит на целый маршрутный поезд!

Покупатель пирамидону схватился за голову и закричал:

— Чорт вас возьми, у меня из-за вас еще пуще разболелась голова!.. Отпустите меня!!!

На его крик выскочили зав и рецептарий.

— Что случилось?—встревоженно спросил зав.

— Ничего не случилось,—спокойно сказал Абрамкин,—гражданин покупатель чего-то нервничает.

— Я уж час жду облатки пирамидона! А он тут чорт знает что...

— Что значит—чорт знает что?.. В моем прежнем деле, если не было роговых пуговиц, то я предлагал покупателю пальмовых, и он или брал или не брал, но никогда не скандалил...

Рецептарий отпускал пирамидон, а тов. Абрамкин объяснял заву:

— Я же еще не знаю, где что лежит, я же еще практикант!

Исидор Гуревич

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ДЛЯ АНКЕТ

Союз совторгслужащих дошел в своих анкетах до того, что поместил вопрос: «Применяются ли вами к детям телесные наказания и в какой форме (подзатыльник, ремень, лишение еды)?»

I.

Кто ближе вашему сердцу и уму?
Какие вам больше нравятся оттенки:
Блондинки или шатенки?
И почему?

II.

В каком вы служите наркомате?
И что вам более по душе:
Сосиски в томате
Или бёф-понаше?

III.

Носите ли бороду? Короткую? Длинную?
С какого возраста бреете усы?
И что употребляете для красы:
Одеколон? Вежеталь? Хинную?

IV.

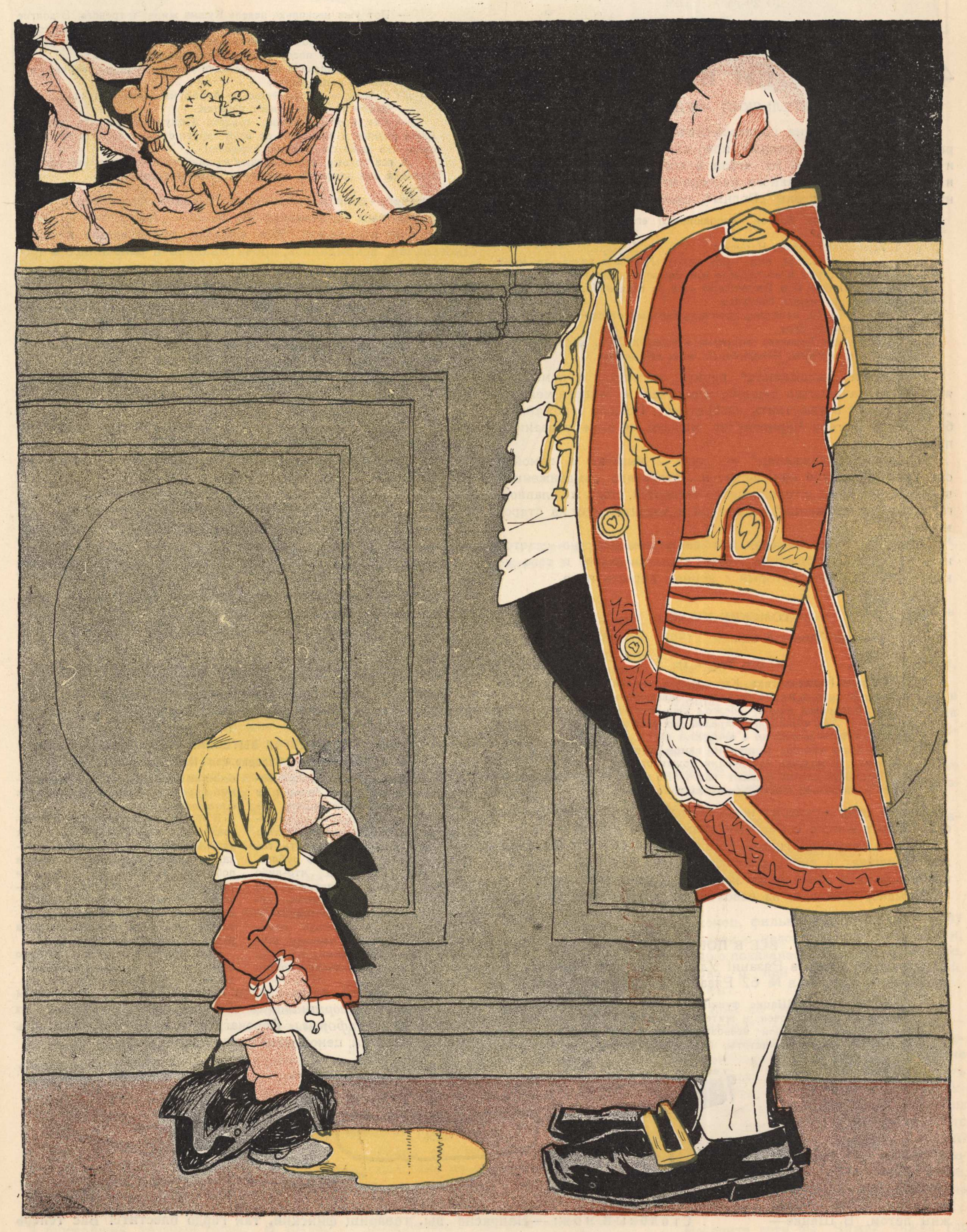
Имеется ли у вас фактическая жена,
И каковы ваши отношенья друг к другу:
Вы бьете вашу супругу—
Или вас она?

Э. А.

ПАРТИЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Рис. Б. Антоновского

Ряд комитетов английской консервативной партии внес предложение записывать в партию новорожденных.
(Из телеграмм)

— Стыдно, достопочтенный сэр! Год восемь месяцев в партии—и не умеете себя вести.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ.

ВВИДУ ТОГО, ЧТО ПЕРВОМАЙСКИЙ № **СМЕХАЧА** БУДЕТ РАССЫЛАТЬСЯ ПОДПИСЧИКАМ В ПОСЛЕДНИХ ЧИСЛАХ АПРЕЛЯ, КОНТОРА ПРОСИТ ВНЕСТИ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ ДО 29-го АПРЕЛЯ.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

АРХАНГЕЛЬСКИЙ «ЧУДОТВОРЕЦ»

Было дело так: на производ-совещании пекарей Арх-Церабкооп'а выступил сторож при кондитерской гр. Чернеев и заявил, что пекаря ни черта в хлебопечении не смыслят, и что он Чернеев главного мастера не взял-бы себе в подручные. Дальше, по словам „Волны", произошло следующее:

— А ты бы, братец, — спрашивают его, — мог бы качество хлеба улучшить?

Усмехнулся только Чернеев:

— Качество, это нам — раз дохнуть! Только назначьте меня главным мастером и изготовьте мне сотню специальных чашек по моим указаниям. Я в Ленинграде еще по пекарной лавочке работал. Большим спецом считался.

Обрадовался, конечно, производственный отдел такому самородку пекарного дела.

Назначили Чернеева мастером в пекарню № 1, дали ему сто чашек его системы: наворачивай, мол, как знаешь.

Наворотил „выдвиженец" первую выпечку... в помойную яму. Тогда начальство решило, что пекаря из зависти мешают „выдвиженцу" осуществить изобретение. Пришла строжайшая бумажка: „Мастеру Чернееву не мешать, и всем указаниям подчиняться".

Крякнул „выдвиженец" и... еще 2 выпечки в помойку отправил. Крякнуло начальство и... отправило „выдвиженца" в другую пекарню; и только после четвертой, столь же славной, гастроли, „выдвиженца" задвинули в кондитерскую на старое место.

Языкознанием, каемся, мы не занимались, но сдается нам, что Арх-Церабкооп и Архи-Глупость—одного и того же корня—того самого, который с корнем вырвать надо.

ТОМСКИЕ УЖАСЫ.

Картинка из Томской жизни:

(Ст. Томск I).

В зале I класса тихо. Кто дремлет, кто чай пьет. Иные газету читают. Буфетчик мирно беседует с заведующим читальней.

— *Извозчики идут!—вбежал кто-то в комнату. Буфетчик побледнел. Зав. читальней стрелой бросился к книгам. „Спасайся, кто может"—заорал он в испуге.*

Но было поздно. С шумом, гамом, руганью ворвались в зало извозчики. В воздухе замелькали ножки столов...

Подобные случаи бывают часто. Во время этого «нашествия» буфет и читальня, обыкновенно, закрываются.

В чем дело?—спросит недоуменный читатель. Отчего так остро стоит вопрос с местным транспортом в Томске?

Просто извозчики города Томска хотят иметь свой „Уголок извощика" и очень даже обидно для товарищей-сознательных извозчиков означенная заметка „Красного Знамени".

Стыдно, граждане, из извозчичьей мухи делать газетного слона!

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Странный народ в Рязани! Удивительно даже! Вот что напечатано, например, в № 62 Рязанского „Рабочего Клича".

До 1918 года в Шацке функционировал артезианский колодец. Теперь же он заколочен, и жителям приходится брать воду из реченки Шачи, кишащей всевозможными микробами. Зимою сюда сваливают разные нечистоты, а весною и летом купаются люди и моют белье. Из этой же реки берут и воду для питья.

Так в чем же дело? Вы, наверное, хотели бы, чтобы зимой в речке купались, а весной и летом сбрасывали нечистоты? Так, товарищи, не бывает! Купаться должны летом. В Шацке—все правильно.

ПОЧТМЕЙСТЕР ШПЕКИН В СССР

Неожиданно! Непостижимо! Невероятно!

Почтмейстер Шпекин воскрес во образе бравого комсомольца и не менее бравого избача села Кушма, Челяб. округа, Уральской области. Предоставим слово собкору „Уральского Рабочего":

— Вот уже несколько недель Кушма живет в тревоге. В долгие зимние вечера многие боятся выйти из избы на улицу, а когда по необходимости приходится итти—старики сначала крестят ворота и бороды и только после этого тихими шагами выходят.

Старушки, знающие по наслышке библию, упорно уверяют, что приближается конец света:

— Слышь, — говорит одна, — Аграфена опять получила.

— Что?—переспрашивает соседка.

— Как, что? Получила, говорю. Получила, да как заревет! Ажно родные и знакомые со всей округи сбежались. Уж так голосила, что даже со стороны страшно!

А все потому, что получают мужики какие-то странные письма. Сначала без подписей, а потом с целыми протоколами.

От нечего-делать комсомолец Шавков совместно с избачем Баменовым организовал *К. К. П.—„Комиссию по контролю над письмами"*. Все письма, приходившие в адрес односельчан, вскрывались, прочитывались и заносились в протокол, а затем доставлялись адресату с препроводительной бумагой, примерно, следующего содержания:

Учительнице 1-й ступени с. Кушма, Конкордии Никольской—Шумихинского Рика, Челябинского округа, Уральской области, РСФСР.

При сем препровождается вышеизложенная грамота от Грунятки с резолюцией Контрольной комиссии по проверке писем, план работ района, взятый правильный на зимний период, для летней же работы план дальнейшей работы приходится изменить, так как действует природа на человека,—необходимо для физкультуры *выехать в лагери*.

Предлагаем прекратить теоретические вопросы, необходимо к лету перейти к практической плодотворной работе.

Примечание. За справками обращаться в Контрольную комиссию писем.

Председатель ККП **Шавлов** (председсельсовета).
Делопроизводитель ККП **Баженов** (избач).

Бедный, глупый Николай Васильевич Гоголь! Придумал уездного чинушу Шпекина, вскрывавшего чужие письма...

Подумаешь! Чем удивил! А протоколы этот ваш Шпекин вел?

А печать имел? А препроводительные писал? А за культработой вверенных адресатов следил?

Ну, то-то! Одним словом—идем вперед!

КРИЗИС СБЫТА И ОРГАНИЗАЦИЯ БЕДНЯЦКИХ ХОЗЯЙСТВ

Приводим полностью, в виду исключительного интереса, корреспонденцию газеты „Советская Степь":

А У НАС САМОГОН ВЫТЕСНИЛ 40°-ную ВОН.

(С. Вознесенка, Володар. вол., Павлодар. у.).

В Володарской волости процветает самогонокурение, *деревня не может полностью потребить самогон, изготовляемый самогонщиками, и излишек этого продукта вывозится в город.* Четверть самогонки расценивается в 5 рублей.

Милиция бессильна что-либо сделать. Отнимали аппараты, но вместо отобранных появлялись новые, более усовершенствованные. *Конфисковать имущество самогонщиков — мудрено, потому что гонят самогон беднейшие жители села. Конфискация заставит пойти бедняка по миру. А самогонокурение укрепляет его хозяйственное благосостояние.*

В общем, в нашем районе сорокаградусная не достигнет пока тех результатов, которых от нее ожидали. Сорокаградусная не смогла победить самогон, да и вряд ли сможет, если цена на нее останется прежней. Крестьянин предпочитает платить целковый за бутылку самогона, нежели полтора рубля за сорокаградусную.

Надо понизить цену на казенную водку. **Красный Сибирян.**

Редкий случай, когда власти надлежит принять все меры к скорейшей *дезорганизации бедняков, объединившихся на самогонной платформе.* Сорокаградусная *должна* победить самогон, хотя бы ценой понижения цены!

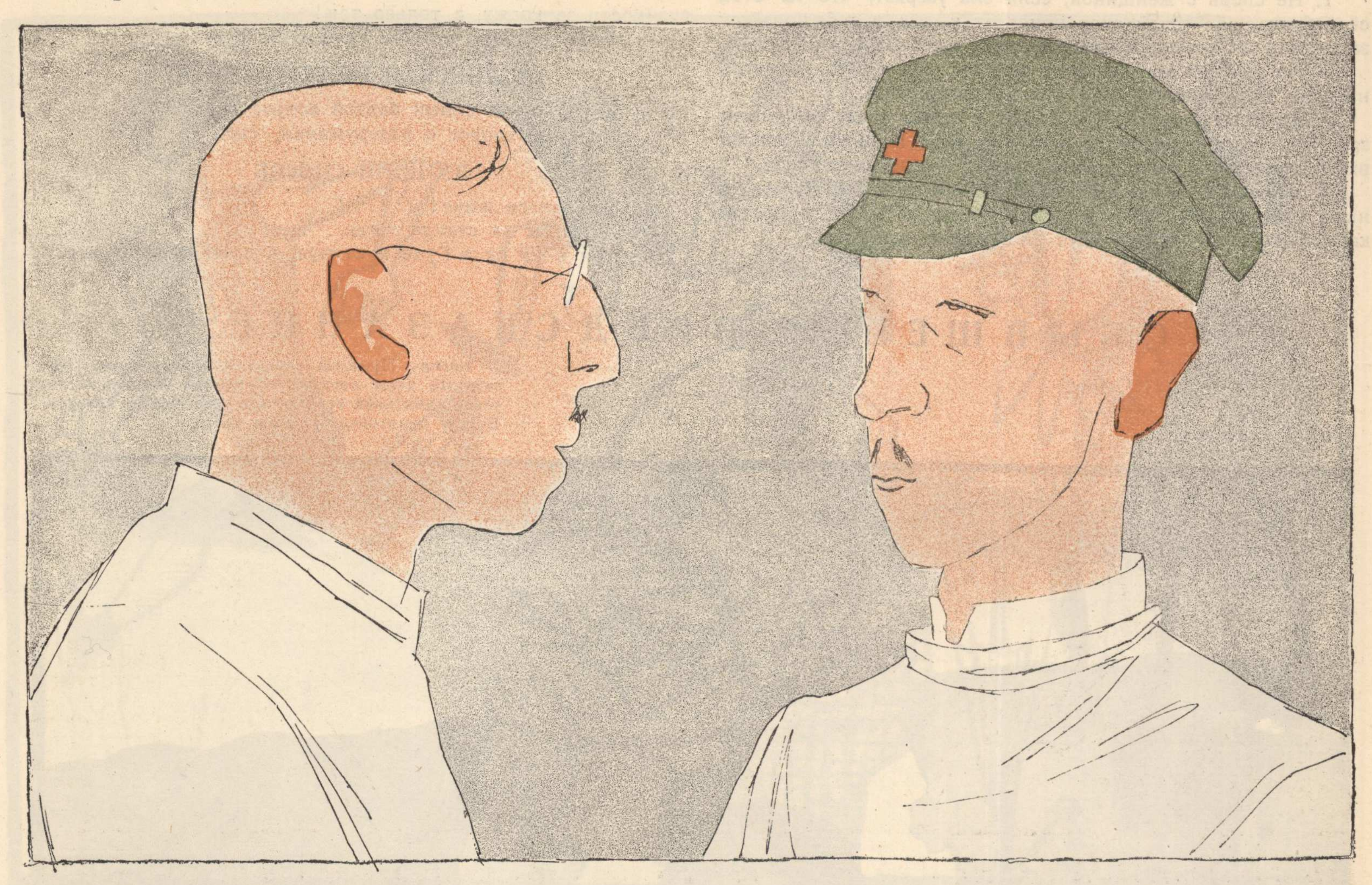
Рис. Н. Р.

Столовый нож: — Напрасно вы, товарищ финский, так гордо блестите! Вас теперь любой десятилетний шкет за-пояс заткнет!

СРЕДИ КОЛЛЕГ

Рис. Л. Бродаты

— Ничего подобного со мной еще никогда не случалось: две недели лечу пациента от апендицита и наконец он отправляется ad patres. Делаем вскрытие, и что же оказывается? У этого плута действительно был апендицит.

„ТАЙНА ЕЕ СМЕРТИ"

(Драма в 5-ти рецензиях)

Посвящается, между прочим, картине „Индийская гробница".

Эта фильма, или *этот фильм*, как говорят иные рецензенты (может быть, чтобы примирить тех и других, следует сказать—*это фильмо?)*. поступила к нам из-за границы, победоносно демонстрировалась на „первых столичных экранах" и, объехав затем весь СССР, всю кинопровинцию, снова вернулась в столицу.

Называлась эта фильма (фильм, фильмо?)—*„Тайна ее смерти"*.

Столичный рецензент, очарованный картиной, писал о ней так:

„Тайна ее смерти"—новое достижение германской кино-техники.

Сценарий построен прекрасно, фабула увлекательна и до последнего момента, до заключительной сцены последней части держит зрителя в напряженном состоянии. Правда, мистический элемент, занимающий в картине значительное место и тонко вплетенный в интригу, может показаться чуждым настроениям советского зрителя (например, появление призрака), но этот недостаток искупается другими достоинствами фильмы: прекрасной постановкой, талантливым умело подобранным ансамблем актеров и, как я уже отметил. остроумно сделанным сценарием. „Тайне ее смерти" обеспечен хороший прием.

Из столицы „Тайна" перекочевала в ближайший уездный город. И тотчас была подхвачена уездным рецензентом:

„Восторженные отзывы, встретившие „Тайну ее смерти" в столице, не оказались преувеличенными. Мы уверены, что весь Краснотараканск не упустит увидеть эту замечательную фильму, с захватывающим сюжетом и великолепной мимикой актеров.

На наш взгляд, досадным упущением сценария является то место, когда после надписи: „И он увидел ее призрак"—призрак почему-то не появляется.

В остальном фильма выше похвал. Кино ломилось от публики".

Следующая рецензия появилась в Троцко-Демьянске:

„Новый фильм, показанный в нашем городе, мог бы претендовать на первое место среди шедевров и гвоздей, если бы не путаный неясный сюжет. „Тайна ее смерти!" Действительно, получается непонятная тайна, над которой обыватель ломает голову (если она еще уцелела на наших мостовых!). Героиня, по ходу действия, должна ехать в церковь. И повидимому, в церкви что-то разъясняется. Но тут странный пробел: церковь не показана и все дальнейшее неясно. Непонятно, о каком призраке вспоминает герой в последнем акте. Вообще, нужно сказать, что сценарий оставляет желать лучшего. А троцко-демьяновцы вправе этого требовать, т.к. платят за билеты большие деньги".

„Тайна ее смерти" продолжала свое путешествие по экранам СССР.

Вот что писал рецензент в Пролетарококшайске:

„Вы не были на „Тайне ее смерти"?
И не много потеряли!
Не идите!
Деньги, по крайности, сохранятся!

Я заплатил рубль, чтобы увидеть „тайну".

И что же?

Где же „тайна" *ее смерти?* Если, во-первых, нет никакой смерти!

Тайна, действительно, есть: тайна в том, почему фильма называется „тайна ее *смерти*"*!* С этой неразгаданной тайной я вернулся домой.

Начата картина прекрасно. Но дальше сплошная неразбери-бериха и хаос мироздания.

Кстати, при чем здесь эпизод „Добывание нефти в Англии"?

Не вяжется с сюжетом.

Впрочем... Это тоже „тайна"!

«Пострадавший»

Наконец, фильма вернулась в столицу и, в связи с недостатком новых картин, вторично показалась на столичном экране.

Снова о ней писал тот, первый, рецензент.

И тайна ее смерти открылась!

„Конечно", — писал рецензент — „нельзя отрицать полезности редакторов-монтажеров. Но, помилуйте! Легче на поворотах, товарищи, а то и вертеть нечего! Что стало с прекрасной картиной „тайна ее смерти", вернувшейся из вояжа по провинции? Где фабула? Что вы, дорогие ножницы, сделали с фабулой? Если из картины вырезана добрая половина, нельзя же оставить это нелепое, вводящее в заблуждение, название „тайна ее смерти"!

Назовите хотя бы „Чижик, чижик, где ты был? По провинции ходил!"

Ив. Пр.

БЕЗРАБОТНЫЕ МЫСЛИ

1. Не спорь с женщиной, если она уверяет, что ты отец её ребенка, ибо такой спор приведет к суду, и тебе придётся заплатить не только алименты, но и судебные издержки.

2. Не завидуй восходящему светилу, ибо и оно, несмотря на свою недосягаемость, должно к вечеру сесть.

3. Если ты лишен слуха, ходи в кино, если ты лишен зрения—удовлетворяйся радио-приемником. Если же ты лишен вкуса, посещай кино и удовлетворяйся радио-приемником.

4. Не думай, что только сороконожки получают заграничные посылки. Те 20 пар чулок, которые входят в состав каждой посылки, просто идут на продажу двуногим.

М. К—ий

ВЕРНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

— Обвиняемый! Чем же вы докажете, что у вас не четыре судимости за кражу, а только три!

— Моим честным словом, гражданин судья!

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТГРАМОТА

— Какой у нас самый боевой вопрос в Англии?

— Конечно, вопрос о разоружении, сэр.

ЛУЧШИЙ СПОСОБ

— Эх, сапоги жмут!

— А ты бы их стянул тогда.

— Так я-же их в Гуме и стянул, а всетаки жмут, черти!

СБЫВШЕЕСЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Могила Пушкина совершенно заброшена. Могильный холм оседает. Памятник покосился. На чехле памятника хулиганские нецензурные надписи. Вокруг памятника—грязь и навоз.

Рис. Н. Радлова

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть...
(Пушкин Элегия)

ПО СУЩЕСТВУ

Рис. Б. Малаховского

— Вы не знаете, что это за номера у них?

— Вероятно, из мануфактурной очереди: порядковые номера.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

В № 10-м журнала „Советский Экран" Леонид Ларский в статье «Нужны ли вообще надписи», пишет:

> «В самом деле, пора подумать о надписях не только с формальной стороны, т.-е. в смысле придания им лучшего литературного вида, необходимо принять меры к органической увязке этого *апендицита* фильмы самим кадром.
>
> Почему *апендицита?* Да потому, что титр в искусстве Кино по существу является червеобразным отростком, унаследованным от первых фильм.

Вот он, Леонид Ларский, какой образованный! Ведь сколько слов иностранных знает! И невдомек бедному, что апендицит, это—болезнь, а не червеобразный отросток, который доктора—эти коварные, необразованные люди—называют почему-то апендиксом. И что разница между этими двумя понятиями такая же, как между мозгом и его воспалением.

Последний пример приведен просто так—без всякого намека.

*

В том же журнале, но уже в № 11-м, приводятся результаты анкеты, проведенной АРК'ом среди детей.

Среди ответов на вопросы, какие картины интересуют детей, мы нашли следующие цитаты:

> «Картина фартовая — хочу видеть «Аборт».
>
> «Понравилось. Хочу видеть научно-художественные. Например: «Аборт» и «Правда жизни—сифилис».

Очевидно, дети, отвечавшие на анкету бедного наивного АРК'а, пьют водку и платят алименты по трем исполнительным листам сразу.

Не попал ли бедный АРК вместо Детдома в Исправдом?

*

О кино пишут книжки. Кино интересуются. Некий С. Гехт пишет так в книжке о комике Бестер Китоне:

> Русскому зрителю Китон напоминает Епиходова. Вспомните чеховский «Вишневый сад» и злополучного Епиходова, которого прозвали «Двадцать одно несчастье».

Вспомнили мы «Вишневый сад» и прочли там:

Дуняша про Епиходова: «...Его так и дразнят у нас: 22 несчастья!..»

Яша про Епиходова: «...22 несчастья! Глупый человек...»

Варя про Епиходова: «...Вон! 22 несчастья!..»

Ошиблись вы, гражданин Гехт, на одно несчастье! Перечтите к следующему уроку «Вишневый сад» Чехова. Садитесь, гражданин Гехт! Двойка.

ДУНДУК НА ХОЗРАСЧЕТЕ

> Кто только не втянулся теперь в торговые операции? Так, наприм., типография Украинской Академии Наук закупила модеполам и перепродала его частным торговцам. („Правда")

Не в том несчастья корень скрытый,
Что в Академии Наук
Вновь заседает позабытый
Но знаменитый
Князь Дундук.
А в том, что он с большим талантом
Стал—отметя научный хлам—
Мануфактурным спекулянтом
И продает модеполам!

А. А. А.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

Непринятые редакцией рукописи не сохраняются

13 *Ленинград, П. Бак.* «Не правда ли (хи-хи!) И ноты и стихи»...
Этак, на „хи-хи" — всякий умеет.
А попробуйте на „хо-хо"—ногу сломаете!
Стихи (хи-хи!) плохи.

14 *Харьков, Ил. Тр-гу.* На тему о ревизорах у нас уже есть фельетон.

15 *Краснодар, В. П-ко.* От предложенных вами «Алиментов» категорически отказываемся.

16 *Владивосток, Д. Весен-му.* «Посылаю Вам свой последний антирелигиозный рассказ»...
И зачем вы это?! Нешто мы разбойники, чтобы взять у человека последнее?!
Не надо. Спасибо.

Ив. Пр.

Издатель „ГУДОК". Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

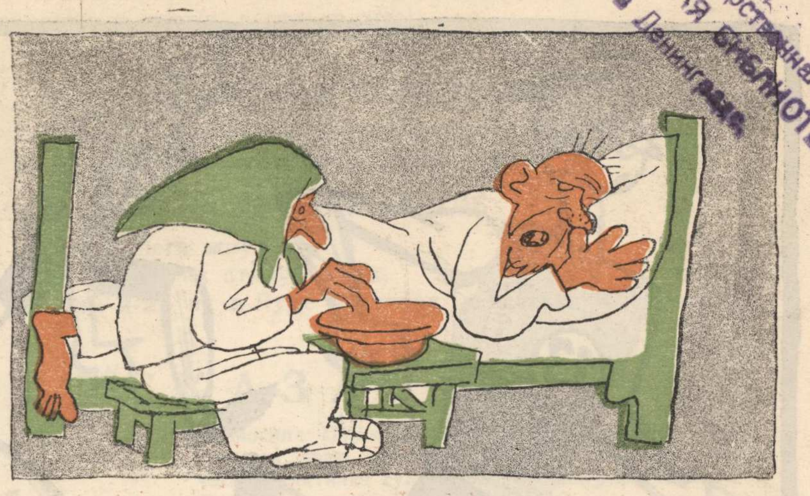
Ленинградский Гублит № 13174. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 2324. Тираж 80.000

МЕДИЦИНСКИЙ СЛУЧАЙ В ДЕРЕВНЕ ГОРЕЛОВКЕ

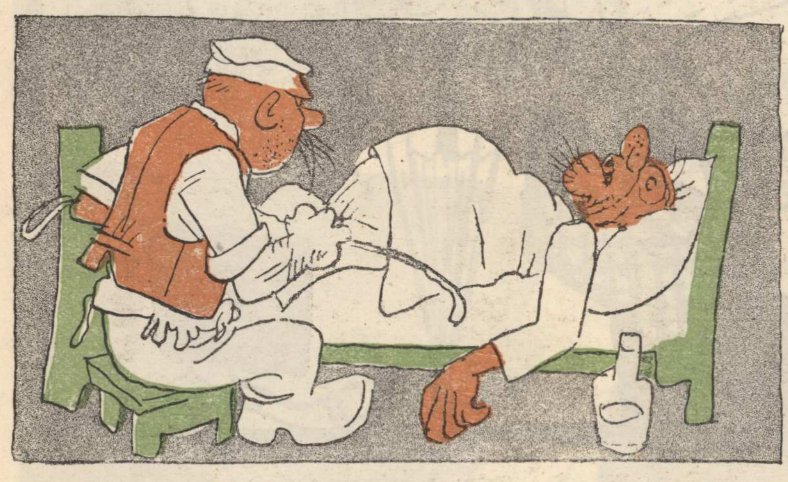
Рис. Б. Антоновского

1. Вопит неистово Лука:
Схватили корчи старика.
Лежит—ни взад и ни вперед—
И диким голосом орет.

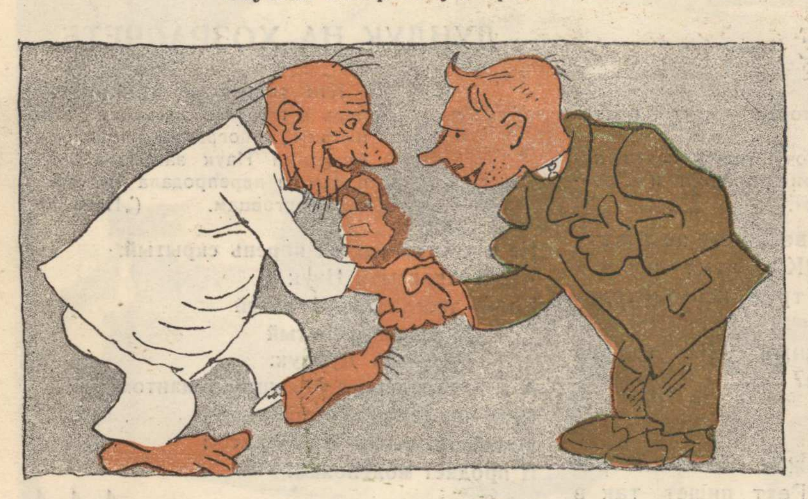
2. Напрасно знахарка ему
Варила зелье на дому:
— Авось, мол, заячий помёт
Болесть ужасную проймет!

3. Напрасно мрачный коновал
Губами толстыми жевал
И—опустив свирепо бровь—
Спускал испорченную кровь.

4. Забрел однажды налегке
Избач к несчастному Луке:
— Болеешь, старый? Вот-те на!
А ну-ка выпей, старина!

5. Старик опять здоров и юн.
— Да ты, брат, часом не колдун?
Но тот в ответ:—Умерь восторг:
Нет колдунов—есть Медснабторг.

— И вообще,—говорит,—каждый может сделать то-же самое, имея при себе аптечку Ленинградского Медснабторга. Очень,—говорит,—просто!